

КЛОУНАДА БЕЗ ВЕСЕЛЬЯ

Одним из главных событий 4-го московского фестиваля «Планета клоунады» была премьера нового спектакля «Лицедеев» - «Театр на бумаге». После представления корреспондент «России» прошел за кулисы, где встретился с Робертом Городецким - автором спектакля, исполнителем главной роли и одним из самых знаменитых «лицедеев».

Городецкий выглядел усталым, но довольным. Отправлял кого-то за шампанским и готовился к поездке в родной Питер.

Пусть публика увидит кухню

— Из того, что я сейчас услышал за кулисами, сделал вывод, что вы премьерой довольны. Это так?

— Да, с одной стороны. С другой — были кое-какие накладки и неудачи. Однако я изначально был настроен на то, что сегодня будет много импровизации, что-то наверняка не получится. В том и состоит суть актерства, что, даже если где-то что-то получилось не так, зритель об этом не догадывается, ему кажется, что так оно и должно быть. Это очень важно.

— Некоторых номеров, названия которых обозначены у вас на шпаргалке, я так и не увидел...

— Просто не всегда по ходу спектакля я успеваю надеть костюм, взять необходимый реквизит. Надо выходить на сцену,

а у меня там... Я же, например, привез баллон с гелием, должен был надуть воздушные шары. Очень красивый номер, и я его не сделал.

Вы смотрели спектакль? Это финал «Жонглера-неудачника». У него 500 воздушных шаров. И после того, как у него ничего не получилось, после того, как он уносит все эти вещи, которыми жонглировать пытался, он возвращается на сцену, забирает эти шары и хочет уйти. А они все лопаются один за другим. Я просто забыл вообще, что их надуть надо.

А в самом начале спектакля на сцене должен был стоять разборный стул. Его забыли вынести. Я его понес — он развалился. Пришлось мне прямо перед зрителями его заново собирать. Ничего страшного. Пускай публика видит кухню.

— Премьера — экстремальная ситуация... Как вам реакция зала?

— Зрители, конечно, задумчивы были. Но... у меня нет веселой клоунады.

— Мне, честно говоря, показалось, что сегодняшний спектакль даже для вас был очень задумчивым, очень серьезным.

— Конечно. Я бы другое не стал показывать. Этот спектакль придуман не сегодня. Были идеи, которые появлялись в течение моей творческой деятельности.

Пошлость уходит сама собой

— Встречались ли вы с людьми, которые вели бы себя не так, как остальные? Боялись ли такие номера, за которые вам потом было не то что бы стыдно, но казалось, что перешли какую-то грань?

— Видите ли, в чем дело. Мы — те клоуны, с которыми я работаю и работал, — несем добрую клоунаду. Мы несем добрые чувства, добрые мысли, те-

плые мысли. И поэтому эта клоунада не жесткая.

— Каково в таком случае ваше отношение к клоунаде цирковой — со слезами, с бутфорскими молотками?

— Я не очень люблю такую клоунаду. Цирковая клоунада всегда была построена на пинках. Она более «плакатная». Однако надо сказать, что «Лицедеев» выступали в цирке и нас там принимали очень хорошо. Правда, когда публика покупает билеты, она же знает, на что идет.

— У вас ведь спектакли тоже бывают на грани морали, пошлости, жестокости. Случались ли такие номера, за которые вам потом было не то что бы стыдно, но казалось, что перешли какую-то грань?

— Я не хочу говорить именно о себе. А что касается всего коллектива... Если что-то подобное проскальзывает, то оно как бы само собой уходит. Уже на сцене

чувствуется, что чего-то не так. Откровенно пошлых номеров у «Лицедеев» не бывает, однако если кажется, что мы подошли к опасной грани, то просто не показываем в дальнейшем эти номера. Или стараемся изменить их. И коллектив думает, и люди со стороны подходят, советуют...

Не боюсь тихих аплодисментов

— Вы вообще прислушиваетесь к советам со стороны?

— А как же, обязательно. Хотя потом все-таки делаешь по-своему, потому что каждый мастер видит каждый предмет и каждое действие в своем ракурсе. Знаете, сколько иногда приходят и говорят: давайте здесь сделаем вот так... Пусть это будет даже лучше, но я не буду так делать. Я сделаю по-своему, даже если получится немного хуже. Зато это будет мой дух.

— Могли бы вы дать собственную аннотацию к спектаклю «Театр на бумаге»?

— Я ведь не зря его так называл. Он на бумаге. Он может состояться, может — нет. Как пойдет, как польется, как покажется. Не пойдет дождь — все в порядке. Пойдет — значит, бумага размокнет и ничего не будет. И если публика принимает, если ей нравится то, что она видит, значит, театр состоялся.

Меня спросил кто-то из друзей: «А что же у тебя приготовлено на финал?» Обычно готовиться такой номер, чтобы весь зал встал на уши. Но у нас нет такого. Финал спектакля спокойный, грустный. Я не боюсь, что могут быть не такие сильные аплодисменты в зале. Ведь я почувствовал: то, что я хотел им показать, то, что я хотел им пропеть, я спел. Я это спел.

Беседовал
Матвей Масальцев